

На правах рукописи

Муренко Денис Игоревич

**СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ НАУЧНОЙ МОЛОДЕЖИ
НОВОСИБИРСКОГО АКАДЕМГОРОДКА В 1958–1970 гг.**

5.6.1. Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Томск – 2022

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институте истории Сибирского отделения Российской академии наук.

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Красильников Сергей Александрович

Официальные оппоненты:

Грибовский Михаил Викторович, доктор исторических наук, доцент, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», кафедра российской истории, профессор

Крайнева Ирина Александровна, доктор исторических наук, федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт систем информатики им. А.П. Ершова Сибирского отделения Российской академии наук, лаборатория информационных систем, старший научный сотрудник

Костерев Антон Геннадьевич, кандидат исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники», кафедра истории и социальной работы, доцент

Защита состоится 23 декабря 2022 г. в 14 ч. 30 мин. на заседании диссертационного совета «НИ ТГУ.5.6.01», созданного на базе факультета исторических и политических наук федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36 (учебный корпус № 3 ТГУ, аудитория 27).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке и на официальном сайте федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» www.tsu.ru.

Материалы по защите диссертации размещены на официальном сайте ТГУ: <https://dissertations.tsu.ru/PublicApplications/Details/496b7bdf-f196-47a7-ac7e-2df5a06aad>

Автореферат разослан «___» ноября 2022 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук

Румянцев
Петр Петрович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В настоящее время все больший научный и практический интерес вызывает проблематика изучения процессов наращивания научного потенциала на востоке России. Создание Сибирского отделения Академии наук СССР радикально изменило пространственную конфигурацию научных исследований, став примером эффективного государственного решения в области развития научного потенциала страны.

Осознавая уникальность сочетания внешних по отношению к самой науке и внутринаучных факторов, способствовавших рождению Сибирского отделения во второй половине 1950-х гг., необходимо учитывать роль тех из них, которые в дальнейшем определили устойчивость сформировавшейся здесь модели развития науки, отразившейся в знаменитом «треугольнике» М.А. Лаврентьева «наука – кадры – производство», действующем и в современных условиях. Анализ данного опыта важен с позиции осмысления дальнейшего развития научно-образовательной системы страны. Реформирование Российской академии наук, а также обширные планы по созданию Академгородка 2.0 и развитию собственного технопарка НГУ фактически ставят вопрос о дальнейшем существовании «Лаврентьевской» институциональной модели организации науки.

Существенный интерес представляет не только история СО АН СССР/СО РАН, но и, прежде всего, история его «ядра» – Новосибирского Академгородка – как концентрированного выражения уникального научно-организационного и социально-культурного феномена. В научно-организационном плане создание Академгородка явилось переходом к новой модернизационной парадигме, где помимо военно-промышленного комплекса и ориентированных на него засекреченных лабораторий должна была появиться гражданская составляющая в виде отрытых «городков науки», предусматривающих сотрудничество ученых из разных областей знаний. Очевидно, что междисциплинарность в науке не могла быть реализована без высокого уровня профессиональной мобильности и социальной активности молодых ученых, мотивированных на освоение новых идей и подходов.

Кроме успешной реализации новой модели организации отечественной науки в Академгородке нашли свое отражение социальные трансформации после XX съезда партии и в 1960-е гг. Академгородок представлял собой своего рода исторический эксперимент по созданию «города будущего», существенная роль в котором отводилась научной молодежи. Социальной активности молодежи способствовала относительная свобода научного и социокультурного творчества в Академгородке.

Понимание этих процессов также актуально с позиции сегодняшнего изучения механизма мотивации новой генерации ученых. Как известно, на мотивационные установки молодых исследователей влияет множество внутренних и внешних факторов. Понятно, что регулирование внешних

факторов является функцией государства. Поэтому сегодня перед государством во всей своей масштабности встает задача институциональной поддержки молодых ученых, активного формирования мотивации и создания благоприятных условий для привлечения молодых людей в научную, инновационную деятельность.

Степень изученности темы. Историографию темы следует разделить на два основных периода – советский и постсоветский. В советский период формировались условия для собственно исторических исследований об Академгородке. Однако проблематика «молодежи в науке» имела либо узко профессиональный, либо апологетический характер, когда авторами большинства работ выступали не профессиональные историки, а журналисты, социологи, экономисты. В 1960-е гг. впервые появились работы историко-партийного и научно-популярного характера¹. Проблематика молодежи и науки активно обсуждалась в публикациях, написанных в стиле журналистских обзоров². Кроме того, в советский период выходили работы историко-научного характера, посвященные Академгородку³. История развития ННЦ также представлена в работах по социологии молодежи и социологии науки⁴.

Определенное значение наряду с работами историков имеют и сочинения публицистов, среди которых выделяется М.А. Поповский. В его написанной в эмиграции книге «Управляемая наука», изданной в Лондоне в 1978 г., практический интерес представляет глава «Города и люди», посвященная Академгородку⁵. Но его концепция советской модели науки, поскольку он являлся активным диссидентом, носила резко критический характер.

¹ Молетотов И. А. КПСС – организатор крупного научного центра в Сибири (1957–1964 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1964. 20 с. ; Его же. Движение за коммунистический труд в науке в Новосибирском научном центре Сибирское отделение АН СССР. Новосибирск, 1963. 66 с. ; Его же. Партийная работа в научном центре. Новосибирск, 1963. 48 с.

² Илатовская Т. А. Да здравствуют Архимеды! Заметки о молодых ученых Сибири. М., 1963. 141 с. ; Евладов Б. В. Золотая долина, Академгородок : (Репортаж из Новосибирского научного центра). М., 1966. 134 с. ; Его же. 130 меридианов. М., 1967. 189 с. ; Комогорцев И. И. Путешествие в страну новостроек. Новосибирск, 1966. 136 с. ; Штерн Г. Континент будущего. Новосибирск, 1966. 128 с. ; Виноградов В. Страна Знака Сигмы. Новосибирск, 1969. 224 с. ; Константиновский Д. Л. Наш дом, Академгородок. Новосибирск, 1967. 54 с.

³ Новосибирский научный центр / под ред. Г. С. Мигиренко. Новосибирск, 1962. 207 с. ; Молетотов И. А. К истории создания СО АН СССР // Вопросы истории естествознания и техники. 1965. № 18. С.193–194.

⁴ Иконникова С. Н., Лисовский В. Т. Молодежь о себе, о своих сверстниках : (Социол. исследование). Л., 1969. 132 с. ; Кугель С. А. Профессиональная мобильность в науке. М., 1983. 256 с. ; Романов А. К., Андросова Л. А. , Фелингер А. Ф. Научные кадры Сибирского отделения АН СССР : методы и результаты стат. исслед. Новосибирск, 1979. 174 с.

⁵ Поповский М. А. Управляемая наука. Лондон, 1978. 319 с.

В качестве переходного периода от советской историографии к постсоветской необходимо выделить научные работы, изданные в годы «перестройки»⁶. Их авторы уже более критически подходили к оценкам опыта СО АН. Тем не менее, в позднесоветский период образовался существенный пробел в историографии, поскольку интерес к Академгородку, как к инновационному авангарду, со стороны публицистов и журналистов существенно иссяк, а историки еще не обладали необходимым методологическим и эмпирическим «заделом» для реконструкции данного феномена. Существенные изменения произошли в постсоветский период. Новым стало то, что Академгородок попал в поле зрения зарубежных историков. Первой и до сих пор сохраняющей свою значимость обобщающей работой об Академгородке явилась изданная в 1997 г. книга известного американского историка науки Пола Джозефсона, который длительное время провел в Академгородке, собирая не только документальные, но и нарративные источники⁷.

Основная проблемная ситуация современной историографии состоит в том, что большинство современных работ посвящены лишь истории СО АН/РАН. Изучение же Академгородка, как уникального исторического феномена, включающего не только научные, но и социальные, экологические, градостроительные, политико-идеологические, духовные, культурные аспекты, находится, можно сказать, на начальном уровне. Имеющиеся научные работы молодежную проблематику затрагивают лишь фрагментарно. В монографии, подготовленной к 50-летию юбилею Сибирского Отделения, лишь указывалось, что в 1960-е гг. средний возраст окончивших аспирантуру и защитивших кандидатские диссертации в Новосибирском научном центре составлял 31 год, в учреждениях СО АН СССР в других городах – 33 года⁸.

Наиболее близок к проблематике молодежи оказался А.Г. Борзенков, написавший монографию в трех частях «Молодежь и политика»⁹, которая легла в основу его докторской диссертации¹⁰. Автор пришел к выводу, что на востоке России существовала своеобразная «terra incognita» политизированных самостоятельных начинаний молодежи, которая оставалась вне поля зрения, как советских, так и постсоветских историков.

⁶ Осипов А. Г. Сибирь и НТР : Исторический аспект. Красноярск, 1989. 207 с. ; Социально-исторические аспекты организации науки в Сибири : сб. науч. тр. / ред. : Е. Г. Водичев, Н. А. Куперштох, В. Л. Соскин. Новосибирск: СО АН СССР, 1989. 130 с.

⁷ Josepson Paul R. New Atlantis Revisited. Akademgorodok, the Siberian Citi of Science. Princeton, New Jersey. 1997. P. 297–298.

⁸ Российская академия наук. Сибирское отделение: исторический очерк: 1957–2007 / Е. Г. Водичев [и др.] ; отв. ред. Н. Л. Добрецов, А. А. Ламин. Новосибирск, 2007. С. 212.

⁹ Борзенков А. Г. Молодежь и политика: возможности и пределы студенческой самостоятельности на востоке России (1961–1991 гг.) : монография : в 3 ч. Новосибирск, 2002–2003.

¹⁰ Его же. Молодежные общественно-политические инициативы на Востоке России : 1961–1991 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2005. 426 с.

Большая часть постсоветской научной историографии Академгородка – это работы историков, использующих «академгородковские» источники для разработки дисциплинарных историографических сюжетов. В основном речь идет о работах институционалистского толка, в фокусе которых лежат вопросы государственной научной политики на востоке страны¹¹, строительства Академгородка¹² и истории научно-исследовательских институтов СО РАН¹³. И только с недавних пор историография города науки стала самостоятельной темой для изучения историков¹⁴.

В качестве отдельного направления в историографии необходимо выделить работы, затрагивающие социокультурные и общественно-политические аспекты истории Академгородка¹⁵. Говоря об общественно-политической составляющей активности молодой интеллигенции, следует отметить публикацию И.С. Кузнецова, посвященную наиболее крупному проявлению оппозиционной активности ученых Академгородка, имевшему место в начале 1968 г., когда 46 сотрудников СО АН и преподавателей НГУ подписали письмо с протестом против нарушения Советской Конституции в

¹¹ Артемов Е. Т. Научно-техническая политика в советской модели позднеиндустриальной модернизации. М., 2006. 256 с. ; Водичев Е. Г. Наука на востоке СССР в условиях индустриализационной парадигмы. Новосибирск, 2012. 348 с. ; Узбекова Ю. И. «Центр» и «периферия» в развитии вузов Сибири во второй половине XX в. // Высшая школа в системе регионального научно-образовательного потенциала : сб. науч. ст. Новосибирск, 2008. С. 95–107.

¹² Кузнецов И. С. У истоков Академгородка: строительство города науки в Сибири (1957–1964). Новосибирск, 2007. 168 с. ; Его же. Новосибирский научный центр : Хроника становления : учеб. пособие по спецкурсу. Новосибирск, 2007. 264 с. ; Его же. Рождение Академгородка. 1957–1964. Док. летопись : учеб. пособие по спецкурсу. Новосибирск, 2006. 198 с.

¹³ Куперштох Н. А. Кадры академической науки Сибири (середина 1950-х – 1960-е гг.). Новосибирск, 1999. 151 с. ; Ее же. Научные центры Сибирского отделения РАН. Новосибирск, 2006. 441 с. ; Ее же. Очерки о лидерах академической науки Сибири. Новосибирск, 2011. Вып. 1. 155 с. ; Ее же. Развитие Новосибирского научного центра в советский период // Всеобщая история. 2012. № 9. С. 13–20.

¹⁴ Водичев Е. Г. Всегда ли «Понедельник начинается в субботу», или мифы и реалии сибирской «Новой Атлантиды» // Идеи и Идеалы. 2018. № 1(35), Т. 1. С. 9–26 ; Кузнецов И. С. Современная историография Новосибирского Академгородка // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2014. № 1, Т. 13, Вып. 1. История. С. 130–140 ; Его же. Становление историографии Новосибирского Академгородка в контексте мобилизационной и инновационной моделей // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. 2013. № 8, Т. 12. С. 12–22 ; Пискунов М. О. «Большая» история Академгородка : историографическое поле и перспективы культуральной истории советских городов науки // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 459. С. 140–147.

¹⁵ Водичев Е. Г., Куперштох Н. А. Формирование этоса научного сообщества в новосибирском Академгородке, 1960-е годы // Социологический журнал. 2001. № 4. С. 41–65 ; Их же. Социальные настроения ученых новосибирского Академгородка в 1960-е годы (История «письма 46-ти») // Вестник Новосибирского государственного университета. История, филология. 2002. Т. 1, Вып. 3. С. 80–84.

ходе судебного процесса над четырьмя московскими диссидентами¹⁶. Книга Кузнецова относится, прежде всего, к источникам, однако имеет и определенное историографическое значение, поскольку снабжена вводной статьей, комментариями. Своего внимания заслуживает издание по истории Новосибирского университета к его юбилею в 2019 г. В нем большое внимание уделяется социально-политической жизни НГУ и даже специально выделен раздел о событиях 1968 г.¹⁷

Подводя итоги историографической части данного исследования необходимо подчеркнуть, что к настоящему времени создана определенная научная база для изучения социальной истории Академгородка. Однако до сих пор не было предпринято исследований, позволяющих оценить роль научной молодежи в генезисе академгородковского социума. К вопросам, нуждающимся в освещении, следует отнести следующие: реальная, а не «глянцевая» роль комсомола в научной и общественной жизни ННЦ СО АН; соотношение инициатив «снизу» и инициатив «сверху» в молодежных начинаниях; описание различных форм социальной активности молодежи, как-то – организация и работа строительных отрядов, деятельность Советов молодых ученых, спортивных и культурных клубов. Исследование этих явлений должно помочь глубже понять значение феномена «Советского Города Науки» в контексте социальной истории региона и страны в целом.

Объектом исследования является научная молодежь Новосибирского Академгородка в конце 1950-х – начале 1970-х гг., как социокультурная группа, в возрасте от 20 до 35 лет. В узком смысле это – сотрудники научно-исследовательских учреждений СО АН, лаборанты, аспиранты, младшие научные сотрудники, молодые кандидаты и доктора наук. В широком смысле к объекту необходимо отнести и студентов, профессионализация которых проходила в институтах Сибирского Отделения, а значительная их часть по распределению становилась с 1964 г. основным каналом формирования научной молодежи Академгородка.

Предметом исследования выступает социальная активность научной молодежи Новосибирского Академгородка в конце 1950-х – начале 1970-х гг., рассмотренная в сочетании трех основных аспектов (политического, профессионального и культурного).

Цель исследования – выявить условия, тенденции, позитивные и проблемные стороны социальной активности молодых ученых в условиях становления и развития Новосибирского научного центра в конце 1950-х – начале 1970-х гг.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие исследовательские задачи:

¹⁶ Кузнецов И. С. Новосибирский Академгородок в 1968 году : «письмо сорока шести». Документальное издание. Новосибирск, 2007. 332 с.

¹⁷ Новосибирский государственный университет: создание, становление, развитие (1959–2019) / Н. Н. Аблажей, С. А. Красильников, Е. Г. Водичев. Новосибирск, 2019. С. 163–167.

- Установить приоритетные направления социальности активности молодых ученых Академгородка;
- Выявить условия и факторы, определявшие социальную активность научной молодежи;
- Дифференцировать категории научной молодежи по степени социальной активности;
- Реконструировать настроения и позиции молодого поколения на общественно-политические сдвиги в изучаемый период в стране и локальном сообществе, в том числе взаимоотношения с местными властными структурами;
- Охарактеризовать формы и динамику самоорганизации молодежи в непрофессиональных сферах.

Хронологические рамки исследования включают в себя период с 1958 по 1970 г. Нижняя хронологическая граница связана с началом строительства Академгородка и образования Советского РК ВЛКСМ, и входившего в его состав Комитета комсомола СО АН. Верхний хронологический рубеж определяется временем совпадения действия позитивных внутринаучных факторов (завершилось становление научно-образовательного комплекса СО АН/НГУ, внутри которого доля занимавшихся НИР студентов достигала половины общей их численности, а от трети до половины выпускников базовых факультетов распределялись в институты СО АН, создав тем самым устойчивый канал пополнения Сибирского Отделения научной молодежью) в сочетании с негативными вненаучными факторами (победой консервативных тенденций в политике правящих кругов страны), что в решающей степени повлияло на социальную активность научной молодежи Академгородка.

Территориальные рамки ограничены масштабом Академгородка, как ядра Сибирского отделения, как части Советского района, на территории которого расположены основные научно-исследовательские институты ННЦ, Президиум СО РАН, Новосибирский государственный университет.

Методология и методы. Методологической основой исследования являются общенаучные принципы познания (историзм, объективность, системность). Принцип историзма позволил изучить объект и предмет исследования в рамках общеисторического контекста конца 1950-х – начала 1970-х гг. В рамках данного принципа используется проблемно-хронологический и компаративный методы. Проблемно-хронологический метод задействован при разделении исторического материала на проблемные комплексы, анализ которых производится в хронологической последовательности. Компаративный – при сопоставлении сходных общественно-политических процессов на общегосударственном уровне.

Принцип научной объективности позволил отказаться от абсолютизации существующих идеологических установок, поскольку в историографии сформировались две противоположные точки зрения на феномен Академгородка. С одной стороны, апологетический взгляд на

Академгородок, как на эталон успешности советской науки, с другой – негативистская позиция отрицания всех достижений. Принцип объективности позволил найти сбалансированный научный подход к проблеме социальной активности молодежи, сохраняя одновременно в фокусе внимания не только достижения, но и кризисные, противоречивые явления в жизни научного сообщества.

Развитием принципа системности стал применяемый в работе междисциплинарный подход, основывающийся на использовании отдельных положений различных дисциплин: социологии, культурологии, социальной истории науки («научной антропологии»). Он обусловил использование таких методов социологии, как контент-анализ и интервью. Принцип системности также отображен, как уже отмечалось выше, в виде трех теоретических уровней анализа (макро, мезо, микро). Уровень макроанализа основывается на теории модернизации. Помимо этого, на макроуровне задействована теория «социального действия» М. Вебера¹⁸.

Мезоуровень представлен в виде теории «социальной мобилизации», под которой понимается целенаправленное воздействие институтов власти на социум, основанное на подавлении или искажении свободных и рациональных мотиваций и действий отдельных индивидов и социальных групп для приведения социума в активное состояние, обеспечивающее реализацию целей и задач, объявляемых приоритетными и признаваемых общественным большинством¹⁹. Данная теория позволяет исследовать как работу институтов (организаций), так и ответные действия в форме самомобилизации исследуемых групп (научная молодёжь, студенчество и т.д.).

В рамках социально-мобилизационной парадигмы также встает проблема «конфликта социальной мобилизации». В нем заложено противоречие двух принципов, двух начал – самомобилизации (движение снизу, вначале стихийное, затем самоорганизованное, с обретением институциональных опор, таких, как управление, регулирование, ресурсы, инфраструктура и т.д.) и более укорененной мобилизации, управляемой, контролируемой «сверху». Противоречие может быть снято только тогда, когда массовые интересы созвучны с государственным и приобретают характер общенациональных интересов. Со второй половины 1950-х гг. социальная мобилизация, как фактор развития страны, не могла опираться лишь на принуждение. В периоды социальных изменений общество объективно нуждается в ресурсе солидарности и в ресурсе инициативы – двух слагаемых социальной мобилизации. Таким образом, можно говорить о том, что с началом «оттепели» в советском обществе начался переход от авторитарной мобилизации к соревновательной, которая не подменяла

¹⁸ Вебер М. Основные социологические понятия / пер. с нем. М. И. Левиной // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. 808 с.

¹⁹ Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х–1930-е гг.) / Н. Б. Арнаутов [и др.]. Новосибирск, 2013. С. 6.

автономной активности граждан и включала два взаимодействующих института: институт общественного мнения, мнения индивидуумов и групп, и институт интересов власти, политических лидеров и организаций. При этом цель соревновательной мобилизации состоит в адаптации языка вторых к уровню интересов первых. К тому же, в конструкцию социальной мобилизации встраиваются еще и механизмы самоорганизации, самомобилизации молодежи, что можно обозначать как внеинституциональное действие. В дальнейшем институция может поглотить и присвоить, или уничтожить потенциал неформальных инициатив, если они не корреспондируют с целями социальной мобилизации. В таком случае самомобилизация переходит в состояние контркультуры. Мы рассматриваем модель диффузного взаимодействия названных тенденций в поведении, деятельности и позициях изучаемой группы – научной молодежи в конкретно-исторической обстановке.

Микроуровень основывается на истории повседневности. Важной для цели и задач работы представляется концепция А.В. Юрчука, согласно которой, вследствие перформативного сдвига и гипернормализации авторитетного дискурса повседневное существование простых советских людей наполнялось новыми, творческими, позитивными, неожиданными и, не продиктованными сверху, смыслами – иногда вопреки им, а иногда в форме, которая не укладывается в схему бинарных оппозиций – таких, как государство – общество, официальная культура – неофициальная культура, насилие – сопротивление, конформизм – нонконформизм, публичное пространство – частное пространство²⁰.

Особенное внимание в работе уделяется конкретным случаям нарушения устоявшегося порядка, которые обнажают конфликты, возникающие при интерпретации общественной нормы институтами, устанавливавшими и поддерживавшими ее, и индивидами, призванными соответствовать ей. Поскольку одним из проявлений социальной активности является столкновение различных интересов и ценностей, то в нашем исследовании используется теория социального конфликта американского социолога Л. Козера²¹. По Козеру, конфликт в социальной жизни выполняет позитивные, или группосозидающие функции. Он усиливает самосознание группы, дает представление о собственной отдельности и специфичности. Согласно Козеру, необходимо различать два типа конфликтов: реалистический и нереалистический. Первый всегда связан с борьбой за приоритеты, власть, статусы и другие ресурсы и направлен на достижение конкретных результатов, второй связан с необходимостью снятия чувства враждебности и агрессии.

²⁰ Юрчак А. В. Это было навсегда пока не кончилось. Последнее советское поколение. М., 2016. С. 554.

²¹ Козер Л. Функции социального конфликта ; пер. с англ. О. А. Назаровой. М., 2000. 208 с.

Источники. Рассмотрение социальной активности научной молодежи Академгородка, как социокультурного феномена, потребовало привлечения большого корпуса источников двух типов: письменные и устные.

Основной группой письменных источников выступают документальные. К ним относятся директивные документы – решения партийных и комсомольских съездов, пленумов, конференций, постановления, приказы, инструкции и т.п., а также делопроизводственная документация – протоколы партийных и комсомольских собраний, конференций, пленумов, заседаний бюро, различные справки, доклады, информации и т.п. Преобладающий массив составляют ранее не публиковавшиеся архивные материалы. Часть документальной информации извлечена из различных публикаций хроникально-документального характера.

Большая часть документальных источников выявлена в различных фондах Государственного архива Новосибирской области (ГАО) и Научного архива Сибирского отделения РАН (НАСО). Задействованы также материалы архива НГУ.

Другая специфическая группа источников – периодическая печать, которая имеет разноаспектную природу информационного ресурса, поскольку вбирает в себя как изложение и пропаганду решений директивных органов, так и разнообразие повествовательных, нарративных источников, а также визуализацию фактов (фото, рисунки и т.д.). В данном исследовании преимущественно используются материалы газеты «За науку в Сибири» – официального печатного органа Сибирского отделения.

Третья группа источников – мемуары. Из числа воспоминаний следует отметить мемуары Е.С. Шибанова (бывший первый секретарь Новосибирского ГК ВЛКСМ), где содержатся ценные характеристики деятелей и событий комсомольской жизни Академгородка²². Интересен ряд небольших мемуарных текстов в сборнике воспоминаний «И забыть по-прежнему нельзя...»²³. В ней содержатся наиболее интересные для нас мемуары В.Г. Костюка (во второй половине 1960-х гг. первый секретарь Советского РК ВЛКСМ), С.М. Николаева (первый секретарь комитета ВЛКСМ СО АН, А.М. Казанцева (один из создателей НПО «Факел»), А.И. Бурштейна (лидер кафе-клуба «Под интегралом»). Безусловную ценность представляют материалы Открытого архива СО РАН, которые выложены в открытый доступ в сети Интернет. Значительную часть архива составляют воспоминания и дневниковые записи известных ученых и общественных деятелей Академгородка. Некоторые из них уникальны, например, дневник И.Н. Мешкова, одного из создателей альпинистского клуба «Вертикаль». В исследовании также задействованы фонды музея истории НГУ (МИНГУ), в котором содержатся совершенно уникальные

²² Шибанов Е. С. Листая памяти страницы. Новосибирск, 2004. 281 с.

²³ «И забыть по-прежнему нельзя...». Сборник воспоминаний старожилов Академгородка / под ред. Н. А. Притвиц. Новосибирск, 2007. 336 с.

путевые заметки студента А.П. Угрюмова о поездке в Чехословакию в июле – августе 1968 г. в составе студенческого строительного отряда НГУ.

В соответствии со своим жанром мемуары имеют для нашей работы, прежде всего, источниковое значение в качестве эго-документов, однако некоторые из них представляют историографическую ценность. Это определяется тем, что их авторы, не ограничиваясь сообщением эмпирических фактов, стремились концептуально осмыслить прошлое, выявить в нем основные тенденции. В качестве примера приведем публикацию кандидата технических наук, сотрудника Института катализа СО РАН И.И. Коршевера²⁴, который в 1960-е гг. являлся известным общественным активистом Академгородка, третьим секретарем Советского РК ВЛКСМ. Высокую информационную ценность представляют опубликованные в сети Интернет обширные воспоминания из 22-х книг М.С. Качана – бывшего главы объединенного профсоюзного комитета Новосибирского научного центра²⁵. Безусловную ценность представляют мемуары других известных академгородковцев, молодость которых пришлась на период становления Академгородка²⁶.

К устным источникам относятся 25 интервью с непосредственными участниками анализируемых событий, имевшими возможность наблюдать молодежную жизнь «изнутри». Материалы интервью с участниками комсомольского движения представляют собой богатый и разноплановый источниковый комплекс, позволяющий критически рассмотреть и дополнить официальную делопроизводственную документацию того времени.

Положения, выносимые на защиту:

1. Феномен социальной активности научной молодежи представлял из себя взаимодействие трех основных форм – профессиональной, политической и культурной. Следствием этого стало формирование «диффузных зон» конвергенции различных форм социальной активности.

2. Специфику социальной активности научной молодежи предопределили три уровня факторов:

– демографический – преобладание молодежи в стране и конкретно в Академгородке;

– доминирование в официальном дискурсе идей сциентизма, основным социальным бенефициаром которого являлась, прежде всего, научная молодежь;

²⁴ Коршевер И. И. От города солнца к городу зеро // Наука в Сибири. 2001. 5 авг. № 32–33. С. 5–6.

²⁵ Качан М. С. Потомку о моей жизни [Электронный ресурс]. URL:<https://proza.ru/2018/09/09/631> (дата обращения: 21.07.2021).

²⁶ Ермиков В. Д. О временах высоких целей (записки рационального оптимиста). Новосибирск, 2019. 407 с. ; Сергей Васильевич Гольдин. Стихи и формулы : сборник биографической информации / отв. ред.: А. Э. Конторович, М. И. Эпов. Новосибирск, 2009. 510 с. ; Наталья Алексеевна Притвиц. Хранитель знаний: [сборник] / сост. В. Д. Ермиков ; отв. ред. В. И. Молодин. Новосибирск, 2020. 519 с. ; Вишневецкий Е. В. Вкусная время. Опыт автобиографии. Новосибирск, 2008. 232 с.

– относительная независимость Академгородка от жесткого контроля властных органов.

3. По отношению к социальной активности среди научной молодежи следует выделить три условных типа:

- «академисты», ориентированные исключительно на научную карьеру;
- «идейные», ориентированные на административную карьеру;
- «нигилисты», настроенные критически, зачастую являвшиеся «лидерами общественного мнения», для которых активизм являлся главным фактором социального самоутверждения.

4. В Академгородке «оттепельные» тенденции нашли свое выражение в форме создания культурно-досуговых и просветительских клубов, которые стали каналом вовлечения молодежи во взрослую элитарную культуру страны. В Академгородке в 1960-е гг. не сформировалась молодежная контркультура, поскольку у научной и студенческой молодежи Академгородка имелся прочный, а не маргинальный социальный статус.

5. В условиях свертывания «оттепели» либеральные тенденции некоторое время сохранялись в среде научной молодежи, что нашло отражение в «реформаторской» деятельности комсомольской организации Академгородка до конца 1960-х гг.

6. Нарастающая с формированием Академгородка общественная активность становилась полем для проявления различного вида социальных конфликтов, в которых интересы научной молодежи ее наиболее активной, политизированной части вступали в противоречие с интересами местных партийно-государственных структур. Регулирующую роль в данном процессе играли комсомольская, партийная и профсоюзная организации Академгородка, выступавшие до конца 1960-х гг. в качестве «покровителей» молодежной активности.

Новизна исследования. В исследовании реализован комплексный анализ генезиса молодежного сегмента локального научного сообщества сквозь призму социальной истории науки. Представлен подход к рассмотрению формирования мировоззренческой структуры сознания научного сообщества как поколения шестидесятников. В данном исследовании на примере феномена социальной активности научной молодежи Академгородка проанализированы особенности преломления общественно-политических и культурных трансформаций хрущевской «оттепели» в настроениях и поведении ученых. Вовлечены в научный оборот новые документальные источники, разнообразные материалы устной истории, дана новая интерпретация ряда оценок и выводов современной историографии о формах активности научной молодежи.

Теоретическая и практическая значимость работы. Теоретическая значимость работы важна с точки зрения рассмотрения развития науки, как социального института. В научной программе исследования представлены три теоретических уровня анализа (макро, мезо, микро), позволяющие применить и адаптировать различные подходы и методики смежных с

историей социальных наук. Исследование по-новому оценивает роль молодой научной интеллигенции Академгородка в общественно-политической жизни СССР в 1960-х гг. Молодежный активизм выступает здесь как сложный многоаспектный феномен, соединяющий в себе базовые системные характеристики (политические, профессиональные, социокультурные). Практическое значение диссертации состоит в том, что её выводы могут быть использованы профессиональными историками, заинтересованными в углубленном изучении проблем социальной истории науки. Представленный в работе фактический материал и теоретические положения полезны при изучении региональной истории и краеведения.

Достоверность результатов, полученных в процессе исследования, определяется широким кругом используемых источников, включающим материалы периодической печати, архивных документов, а также источники личного происхождения. Среди них интервью с респондентами, чья научная молодость прошла в Академгородке в 1960-е гг. Убедительность научных положений, выводов определяется опорой на теоретические и методологические подходы современной науки в соответствии с поставленной целью и задачами исследования.

Основные положения по теме диссертации были **апробированы** в выступлениях на межрегиональной научно-практической конференции «Российская молодежь: от комсомола к современным формам политической организации» (Новосибирск, 2018); на международной научной конференции «Геопространственные аспекты исторических и социокультурных процессов» (Новосибирск, 2019); на всероссийских молодежных научных конференциях с международным участием «Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных» (Новосибирск, 2019, 2020); на VIII Сибирском историческом форуме «От Енисейской губернии к Енисейской Сибири: два века, одна история» (Красноярск, 2021); на Всероссийской научно-практической конференции, приуроченной к 100-летию Сибархива «Историко-архивное наследие Сибири в системе внутрисибирских и международных коммуникаций» (Новосибирск, 2020). Материалы диссертации легли в основу параграфа «Оттепель» в коллективной монографии «В авангарде молодежи. История Новосибирского комсомола (1918–1991 годы)».

Диссертационное исследование выполнялось при поддержке следующих научно-исследовательских проектов: 1) Базовая часть государственного задания «Наука», код научной темы FEWM-2020-0036; тема: «Методическое и инструментальное обеспечение принятия решений в задачах управления социально-экономическими системами и процессами в гетерогенной информационной среде».

Структура диссертации обусловлена задачами исследования и состоит из введения, трех глав, включающих девять разделов, заключения, списка использованных источников и литературы, 2 приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновываются актуальность проведенного исследования, его новизна и научная значимость; характеризуется степень изученности темы, методологические основы и источниковая база работы; формулируется ее объект, предмет, цели и задачи, определены хронологические и территориальные рамки исследования; подтверждается апробация диссертационной работы и приводятся положения, выносимые на защиту.

В **первой главе** «Факторы и динамика социально-политической активности научной молодежи» рассматриваются основные этапы развития данного направления активности. Выявлены внешние институциональные условия социально-политической активности, а также внутренние условия – мотивы, ценностные установки, взгляды, идеалы научной молодежи. Сделан вывод о том, что одним из стимулов активности научной молодежи являлось то, что М. Вебер называл «ценностно-рациональным действием» – то есть имел значение не результат, а сама деятельность, направленная на выполнение общественного долга, служение добру и моральным нормам. Можно сказать, что «ценностно-рациональное действие» было присуще и научной молодежи Академгородка. Об этом свидетельствует ее стремление к свободе научного творчества, к свободе слова, к защите прав человека. Это выражалось в «разномыслии», «фрондерстве» и «диссидентстве» в общественной жизни. Также ей было свойственно и целерациональное социальное поведение – стремление во что бы то ни стало сделать карьеру, что обуславливалось особенностями научного труда и высоким образовательным уровнем жителей городка. Ценности и цели в рамках данной модели социального действия не всегда совпадали, будучи следствием наличия разноуровневых жизненных предпочтений в молодежной среде. В ней отчетливо выделялись две различные по своей активности группы молодежи. Одна – целерациональные «академисты», ориентированные на научную карьеру, либо на административную службу; другую представляли ценностно-рациональные «нигилисты», настроенные критически, готовые жертвовать научной карьерой во имя своих идеалов.

Конфликты на микроуровне, разворачивавшиеся в социально-политической плоскости академгородковского сообщества, выполняли важную структурную функцию, которую, в частности, Л. Козер называл «группосозидающей». Различные конфликтные «разломы», в том числе и на уровне взаимодействия с различными политическими и социальными институтами, способствовали тому, что у научной молодежи Академгородка, как особой социальной группы, обозначились возможности и границы формирования групповой идентичности.

В **первом разделе** «Политическая социализация молодежи в условиях становления «Города науки» рассмотрен генезис становления социума Академгородка и связанные с данным процессом конфликты политической

социализации научной молодежи. В 1959 г. XXI съезд КПСС провозгласил полную победу социализма в СССР и определил курс на развертывание строительства коммунистического общества. Достижение этой цели предполагало воспитание и подготовку «коммунистически сознательных» и высокообразованных людей, способных к умственному и физическому труду в различных областях общественной, государственной и культурной деятельности. Таким образом, Академгородок должен был стать одним из «очагов коммунизма» и площадкой для конкурентоспособного научного и социального авангарда – людей с высоким уровнем образования, способных двигать науку и прогресс.

В изучаемый период в самых закрытых отраслях науки стал формироваться определенный заряд «нигилизма». Значительную роль в этом сыграли прибывшие молодые ученые – выпускники столичных вузов. В качестве примера в первом разделе рассмотрен случай с О.Н. Бреусовым, научным сотрудником Института неорганической химии, выпускником МГУ, который в 1960 г. на публичном митинге, посвященному осуждению недружественных действий США в отношении СССР (полет самолета-шпиона У-2) и поддержке заявления Советского правительства по Западному Берлину, подверг критике внешнюю политику Н.С. Хрущева. Впоследствии Бреусов и поддерживавшие его сотрудники Института были отправлены «работать на производство».

В целом же для социально-политической активности в период первых лет Академгородка в силу разнородности источников пополнения молодежи не сложилось необходимых условий для устойчивой консолидации в выражения ее собственных мировоззренческих интересов. Соответственно, активность характеризовалась лишь отдельными индивидуальными акциями, которые походили на «прощупывание» границ дозволенного. К тому же руководство СО АН не было заинтересовано в том, чтобы его сотрудники проявляли излишнюю политизированность, полагая, что это негативно сказывалось на имидже всего научного центра и могло значительно уменьшить доступ к дополнительным ресурсам и преференциям со стороны партийно-государственного аппарата.

Во **втором разделе** «Комсомольский «реформизм» середины 1960-х гг.» выделяются и рассматриваются особенности социально-политической активности середины 1960-х гг., когда институты ННЦ начали пополняться выпускниками НГУ. В результате произошло накопление активистского потенциала молодежи городка. Смещение не пользовавшегося популярностью среди интеллигенции Н.С. Хрущева со всех занимаемых постов многими воспринялось в Академгородке с пониманием и даже воодушевлением. Значительный подъем социально-политической активности был связан, прежде всего, с деятельностью комсомольских структур ННЦ и активной дискуссией о расширении их возможностей. Результатом стал приход к «власти» в Советском райкоме ВЛКСМ «реформаторов» из среды научной молодежи. Находясь на позиции

умеренного, лояльного власти реформизма, ими были сформулированы предложения по демократизации комсомольского сообщества. Позиция комсомольских «реформаторов» отражала доминирующую тенденцию в идеологической жизни Академгородка – стремление к продолжению реформ, к обновлению общества, движению к «социализму с человеческим лицом». Однако здесь следует избегать преувеличений: во-первых, либерализм райкома редко выходил за рамки границ традиционной комсомольской работы, в которой все четче просматривалась тенденция усиления «опеки» над молодыми научными кадрами. Во-вторых, сам РК ВЛКСМ находился под строгим надзором вышестоящих партийных структур. В результате комсомольские организации играли в общественной жизни городка неоднозначную роль: они могли становиться проводниками как молодежной инициативы, так и бюрократического диктата.

В третьем разделе «Научная молодежь в ходе событий 1968 г.» дается описание событий 1968 г. – апогея социально-политической активности научной молодежи изучаемого периода. После отставки Н.С. Хрущева Академгородок оказался вынужден вступить в жесточайшую борьбу за ресурсы с конкурентами в научно-образовательной сфере из Центра и других регионов страны. В данном контексте 1968 г., ставший кульминацией общественно-политической активности научной молодежи, отчасти повлиял не только на дальнейшую судьбу ННЦ, но и явился значимым рубежом в понижении рейтинга М.А. Лаврентьева, прологом к последующей его отставке через несколько лет.

В данный период в общественной жизни Академгородке все более проявлялись кризисные явления, что объяснялось недовольством при удовлетворении базовых потребностей молодых ученых – академических свобод и материальных условий жизнедеятельности. Молодежная активность развивалась на фоне общего «консервативного поворота» в общественно-политической жизни всей страны. Дополнительным импульсом для наступления консервативных сил стали такие происшедшие в Академгородке в 1968 г. события, как бардовский фестиваль, и «письмо сорока шести», позволившие властям организовать и провести здесь охранительную идеологическую кампанию.

Вторая глава «Институциональные и самодеятельные формы и практики профессиональной активности» посвящена изучению профессиональной активности научной молодежи. Сделан вывод о том, что социально-профессиональная активность научной молодежи в 1960-е гг. развивалась на сосуществовании и пересечении мобилизационных (институциональных) и самодеятельных (внеинституциональных) практик. Данный опыт оказался весьма успешным в рассматриваемый период, поскольку вектор молодежной активности удивительным образом совпадал с желанием руководства СО АН создать в рамках Академгородка самодостаточную инновационную интеграционную модель в виде единой

последовательности генерации и трансляции новых знаний и компетенций, а также внедрения результатов этой деятельности в практическую сферу.

Решение данной задачи требовало более глубокой интеграции социальных институтов науки и образования. В этих условиях ощущалась необходимость выхода за рамки традиционной мобилизационной парадигмы, что заставляло искать новые способы в преодолении высоких барьеров между границами различных социальных институтов. Одним из способов решения этой задачи стал молодежный активизм. Его очаги послужили своего рода «социальной лабораторией» по отработке различных практик. Это открывало ряд очень взаимовыгодных преимуществ как для самой системы СО АН – позволяло не рисковать значительными ресурсами, применяя тот или иной опыт изолированно, а также в случае неудачи вовремя дистанцироваться, списав все на «недостатки молодости» – так и для молодежи, для которой любая профессиональная активность являлась интересной «работой со смыслом», в отличие от официальной комсомольской нагрузки, выполняемой формально.

В первом разделе «Советы молодых ученых и интенсификация научной деятельности» дается ретроспективный анализ механизмов интенсификации научной деятельности посредством создания благоприятных условий вхождения в науку молодежи, как важнейшего условия обеспечения преемственности поколений и устойчивости динамики научно-образовательных процессов в форме соединения активности молодежного сообщества с институциональной основой – Советами молодых ученых.

Многие из тех, кто активно участвовал в деятельности СМУ, сделали весьма успешную научную карьеру, стали академиками, докторами наук и руководителями научных институтов и отдельных научных подразделений. Объявленная ключевой задачей Совета – содействие внедрению результатов научных работ в народное хозяйство – на практике не получила адекватной замыслам реализации по причине отсутствия реальных инструментов и механизмов для этого. В то же время на начальной стадии своего существования СМУ являлись не только инструментом профессиональной социализации, но и своеобразной «матрицей» по воспитанию кадров и воспроизводству идей, которые в дальнейшем смогли «прорасти» не только в научно-образовательной сфере, но и дать импульс развитию экономической и общественно-политической активности молодежи.

Во втором разделе «Участие научной молодежи в организации физико-математических олимпиад» исследуются участие научной молодежи в подготовке летних физико-математических олимпиад, что являлось примером взаимодействия мобилизационных и активистских принципов.

В 1960-е гг. в ННЦ стала выстраиваться трехуровневая система профессионализации талантливой молодежи. Поскольку в начале 1960-х гг. школы Академгородка еще не успели подготовить первых выпускников

было принято решение ориентироваться на привлечение способных школьников со всей Сибири. С этой целью в 1962 г. была организована заочная и очная Всесибирская олимпиада по физике и математике среди учащихся школ и техникумов, а также Летняя школа в Академгородке. Изначально возникнув по директивному сигналу, данное направление работы наполнялось волонтерами из числа молодых ученых и студентов. Молодые ученые составляли ядро Оргкомитета олимпиады, выезжая в регионы с целью организации местных олимпиад среди школьников.

В **третьем разделе** «Роль молодых ученых в процессе организации новых форм научно-производственной деятельности» рассматривается роль молодых ученых в процессе организации новых форм научно-производственной деятельности. Организационной платформой подобной деятельности стало создание молодыми учеными ННЦ научно-производственного объединения «Факел», ставшее самым весомым начинанием в профессиональной молодежной жизни Академгородка. Возникнув при Советском райкоме ВЛКСМ, научно-производственное объединение занималось выполнением хоздоговорных работ. В качестве заказчиков выступал производственный сектор. Прибыль шла на зарплаты членам объединения и на развитие социальных проектов Советского райкома комсомола.

Феномен «Факела» важен тем, что позволяет выявить роль институциональных структур в обеспечении процесса трансформации активистских начинаний в нормативно оформленную деятельность. Социальную активность академгородковской молодежи отличало стремление к самоорганизации по принципу сетевых структур в разных вариациях – будь то клубы, квартирники, кружки, литературные объединения, «шабашки». Однако к концу 1960-х гг. многие молодежные инициативы после попадания под опеку ВЛКСМ стали приобретать формальный характер. Прежде всего, это коснулось Совета молодых ученых, олимпиадного и стройотрядовского движения. «Факел» же представлял совершенно иную модель, которая имела внутри жизнеспособный базис, но так и до конца не была принята системой, не сумев пройти все уровни легализации и институционализации, что и привело впоследствии к ликвидации объединения в 1971 г.

В **третьей главе** «Направления социально-культурной самоорганизации научной молодежи» реконструируется молодежная среда Академгородка, в которой должен был формироваться соответствующий востребованный обществом тип личности.

В **первом разделе** «Новые формы культурной активности в 1960-е гг.» рассматриваются основные траектории развития культурно-досуговой жизни научной молодежи. В Академгородке, как островке авангардного общества, досуг, как автономный социальный институт, все больше наделялся самостоятельным значением и ценностью. Новые формы культурной активности, в частности клубы, возникшие в советской жизни

на рубеже 1950–1960-х гг. нашли в Академгородке особое преломление. Деятельность объединений и клубов зачастую имела транзитивный характер – то, что начиналось, как культурное действие, в итоге приобретало политический окрас, особенно с точки зрения официального дискурса. Таким образом, можно говорить об особом диффузном состоянии – взаимопроникновении и соприкосновении культурных процессов с политическими, формировании ценностного отношения молодежи. Ценности молодежной среды соответствовали ее динамичному состоянию с ее широким спектром и полюсами от нонконформизма до конформизма.

Во **втором разделе** «Стройотрядовское движение» содержатся подробности истории зарождения в ННЦ стройотрядовского движения. Помимо студенческих стройотрядовских традиций НГУ, выявлены другие традиции трудовой активности научной молодежи, потенциал которой зачастую рассматривался как резервная рабочая сила для решения иных, ненаучных задач. Реконструированы основные каналы социализации молодежи в стройотрядовском движении. Студенческие строительные отряды существенно демократизировали общественную жизнь НГУ, поскольку сами стройотряды, как элементы системы развития студенческого самоуправления, согласно своему уставу, подразумевали демократичность и коллегиальность. Стройотряды играли важную роль в социализации молодежи. Несмотря на то, что НГУ не являлся техническим вузом и не готовил инженерные кадры, и характер работы отрядов не совпадал с профилем будущей научной специальности, участие в стройотрядах открывало новые перспективы для тех, кто еще, возможно, не выбрал для себя окончательно научную стезю.

Третий раздел «Культурная и спортивная жизнь научной молодежи» посвящен спортивно-досуговой самоорганизации, которая являлась важным фактором развития социальной активности научной молодежи Академгородка в 1960-е гг. Установлено, что спортивная жизнь научной молодежи имела две основные формы самовыражения. Первая форма спортивной активности была более массовой и объединяла спортсменов-любителей, вторая заключалась в самоорганизации и последующей институционализации в виде различных клубов, секций, кружков, внутри которых более заметным становилось ядро спортсменов-профессионалов.

В **заключении** подводятся итоги работы. Пик социальной активности научной молодежи Новосибирского Академгородка пришелся на середину и вторую половину 1960-х гг. – время разворачивания научно-технической революции, которая знаменовала переход количественных изменений в качественные в развитии производительных сил. Прежде всего, НТР имела своим следствием окончательное включение научно-исследовательского процесса в производственный процесс в качестве важнейшего фактора. Уровень развития науки и степень ее технологического применения во многом стал определять сам факт существования производственного организма, решительно повлиял на материальные и духовные основы

современного общества. Все это привело к тому, что научная среда Новосибирского Академгородка и вместе с ней научная молодежь в это переломное время, оказалась на самом острие общественного прогресса, и осознание ею своей роли в жизни страны имело принципиальное значение для всех форм её деятельности.

Специфику социальной активности научной молодежи предопределили три уровня – макро, мезо и микро. На макроуровне в 1960-е гг. сложились чрезвычайно благоприятные условия для молодежи. Вследствие значительных потерь среди «поколения войны» в советском обществе произошел демографический крен в сторону увеличения доли молодежи. Это обстоятельство не могло не учитывать государство, старавшееся по максимуму использовать новые трудовые ресурсы для модернизационного рывка. Государственная система была заинтересована в том, чтобы всячески поощрять молодежную активность – но в установленных рамках.

Социально-институциональные условия (мезоуровень) сводятся к тому, что, в силу ряда причин, для представителей науки рамки «дозволенного» были значительно шире. Наука стала движущей силой модернизации страны в 1960-е гг. Среди населения все большее распространение получали сциентистские ожидания, официальная пропаганда всячески подчеркивала высокий общественный статус ученого. Основным социальным бенефициаром такого положения выступала научная молодежь, как особая социально – демографическая группа, профессиональная деятельность которой выступала в 1960-е гг., как эталон и ориентир социальной успешности.

Локальный микроуровень определялся материальным воплощением Новосибирского Академгородка, как уникального социально-исторического феномена, способствующего росту общественной активности в конкретно заданном месте. Фактически Академгородок стал своеобразным «островком» относительно свободным от влияния областных и городских парторганов. Территориальная обособленность Академгородка, его замкнутая локализация обусловила также диффузное взаимодействие различных форм активности. Например, досуг трудно было отделить от труда, здесь культурные формы взаимодействовали с социально-профессиональными или же произрастали на их основе.

Благоприятным фактором для роста социальной активности являлось то, что проблема кадров в ННЦ была относительно решена лишь ко второй половине 1960-х гг., поэтому на начальном этапе руководство СО АН оказывало содействие многим начинаниям молодежи. Как отмечали современники, Академгородок в первое десятилетие своей жизни имел очень «молодое лицо». Это объяснимо, ведь город науки был построен в значительной мере силами молодежи – строителями, некоторые из которых становились студентами и впоследствии учеными. Научные коллективы только что созданных НИИ формировались за счет прибывших, порой сразу после окончания университета, молодых ученых из других городов. Из-за

этого первые годы ощущался дефицит в среднем звене научной иерархии – кандидатов наук, старших научных сотрудников. Многие прибывшие в Академгородок молодые кандидаты наук не имели должного опыта подготовки аспирантов. Молодые ученые должны были быстро социализироваться, рано «взрослеть» в профессиональном плане. С одной стороны, академическая форма организации науки позволяла делать это достаточно быстро, концентрируя сравнительно большие ресурсы для проведения исследований в определенных областях, также способствовала тому, чтобы талантливые молодые ученые имели большой потенциал для старта в науке. Благодаря этому для некоторых молодых ученых, особенно прибывших на начальном этапе создания Академгородка, активировался «эффект Матфея», описанный американским социологом Р. Мертоном, как принцип «дифференцированного накопления преимуществ», посредством которых происходит увеличение возможностей, как ведения научной работы, так и последующего получения морального и материального вознаграждения за нее.

Тем не менее, следует рассматривать социальную активность научной молодежи в контексте нарастающих негативных процессов социального характера. Иерархичная специфика организации академической системы, ограниченность ресурсной базы стали следствием того, что достаточно быстро большая часть престижных социальных позиций в Академгородке оказалась занята. Это создавало большие трудности для последующей мобильности научной молодежи.

В сложившихся условиях на поверхность начинала выходить молодежная активность, представлявшая из себя диффузное взаимодействие трех основных форм – политической, профессиональной и культурной. Научная молодежь, как особая группа, имевшая свои интересы и стремящаяся к доминированию, накапливала символический капитал. При этом она использовала потенциал социальной активности в качестве инструмента реализации своих властных функций. Политическая активность становилась важным условием существования данной социальной группы и в некоторых случаях залогом успешного профессионального развития, отстаивания своих интересов, что являлось одним из проявлений диффузности политической и социально-профессиональной форм.

Исследование позволило выделить три модели развития молодежной активности. Первая модель (движение «За коммунистический труд», олимпиады) предполагала изначально высокий уровень институциональной коррекции посредством идеологических предписаний «сверху». Вокруг такой модели создавался существенный общественный «шум», но когда идеологическая компания заканчивалась – данная модель быстро теряла свое внутреннее содержание, которое во многом наполнялось искусственно. Вторая модель (Совет молодых ученых, стройотряды) подразумевала изначально более свободную и пластичную конструкцию, которая

постепенно проходила обряд институционализации и полностью присваивалась системой. Благодаря этому, модель с одной стороны получала ресурсы для развития, с другой стороны теряла прежний неформальный характер и все более подвергалась нормативности. В результате такая модель уже не представляла существенного интереса, что отражалось в снижении числа упоминаний в прессе. Генезис третьей модели (НПО «Факел») во многом схож со второй, но дальнейший путь ее развития полностью противоположен – модель не принималась системой полностью, а в дальнейшем и отвергалась. Как правило, на страницах официальной прессы такая модель редко освещалась, как самостоятельное явление.

При всей специфике локального научного сообщества Академгородка в конечном итоге динамика социальной активности определялась общим историческим контекстом. С середины 1960-х гг. обозначился консервативный вектор, но, вместе с тем, в течение ряда лет, особенно до событий 1968 г., в политике правящих кругов имело место сложное сочетание консервативных и реформаторских тенденций. Именно это «окно возможностей» – наряду с «оттепельной инерцией» Академгородка обусловило наиболее яркие проявления молодежной активности, в частности реформаторский курс Советского райкома ВЛКСМ.

В дальнейшем усиление идеологической дифференциации и возникновение диссидентского движения, а также события в социалистических странах показали, что дальнейшая модернизация становится идеологически неприемлемой и политически опасной для коммунистического режима. Рубежом стал 1968 г. Способом решения старых идеологических проблем и новых противоречий, порожденных модернизацией, стал официальный консенсус 1970–1980-х гг. Был восстановлен жесткий запрет на вторжение в сферу общественно-политических ценностей, которые остались в орбите притяжения сакрального ядра. Политика и идеология, как темы, оказывались выведены за рамки общественной дискуссии. «Консервативный поворот» не мог не сказаться на общественной жизни Академгородка. В его конкретных условиях важным дополнительным импульсом для наступления консервативных сил стали такие события, как бардовский фестиваль, и «письмо сорока шести». Эти события позволили властям провести надлежащую охранительную идеологическую кампанию, коснувшуюся и Советского РК ВЛКСМ (отставка первого секретаря Советского райкома ВЛКСМ В.Г. Костюка). Эти изменения персонального порядка совпали с общим консервативным переломом в общественной жизни страны. Таким образом, к началу 1970-х гг. возможности для социальной активности научной молодежи резко сузились.

К концу 1960-х гг. общественная матрица «хрущёвской оттепели» в Академгородке была окончательно исчерпана. Реализовать постиндустриальную экосистему в Академгородке не удалось из-за негибкости советской бюрократической системы и плановой экономики.

Академгородок, созданный в рамках «хрущевской» модернизационной парадигмы, обеспечил лишь относительную свободу для социально активного типа личности. Атмосфера Академгородка действительно была поначалу демократичной, руководством СО АН приветствовалась инициатива в научной работе, поощрялись социальные эксперименты. Однако, по большей части, социальная активность основывалась на типичной для советского времени эксплуатации энтузиазма, но этот ресурс являлся фактором кратковременного действия.

Перспективой дальнейшего исследования может стать существенное расширение источниковой базы – вовлечение в научный оборот материалов столичных архивов (РГАСПИ, РГАНИ, АРАН). Особый интерес представляет коллекция документов РГАНИ отдела науки ЦК КПСС. Кроме того, необходимо также продолжать сбор материалов устной истории. С учетом того, что с каждым годом становится все меньше свидетелей описываемых событий, данная задача приобретает первостепенное значение. Предметом дальнейшего исследования также может стать сравнение рассматриваемых процессов с аналогичными в других научных центрах страны. В перспективе следует подумать над расширением хронологических рамок исследования вплоть до середины 1980-х гг., что позволит проследить инерционную социальную динамику в трансформации Академгородка.

РАБОТЫ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук:

1. **Муренко Д. И.** Особенности зарождения и развития Совета молодых ученых Новосибирского научного центра в 1960-е гг. / Д. И. Муренко // Интеллигенция и мир. – 2020. – № 2. – С. 84–100. – 1,1 а.л.

2. **Муренко Д. И.** Становление и развитие стройотрядовского движения Новосибирского государственного университета в 1960-е гг. / Д. И. Муренко // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. – 2020. – № 1 (33). – С. 118–131. – DOI: 10.32516/2303-9922.2020.33.11. – URL: http://vestospu.ru/archive/2020/articles/11_1_2020.html (дата обращения: 30.03.2022). – 1,1 а.л.

3. **Муренко Д. И.** Социально-политические трансформации хрущевской «оттепели» (на материалах комитета комсомола Томского государственного университета 1956–1957 гг.) / Д. И. Муренко // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. – 2021. – № 1 (37). – С. 138–148. – DOI:

10.32516/2303-9922.2021.37.11. – URL: http://vestospu.ru/archive/2021/articles/11_1_2021.html (дата обращения: 30.03.2022). – 1,1 а.л.

4. **Муренко Д. И.** Мировоззренческие поиски реформирования деятельности ВЛКСМ молодежью новосибирского Академгородка в середине 1960-х гг. / Д. И. Муренко // Вестник Томского государственного университета. История. – 2021. – № 71. – С. 24–31. – DOI: 10.17223/19988613/71/4. – 1,1 а.л.

Web of Science: **Murenko D. I.** Worldview search for reforming the komsomol activities by the youth of the Novosibirsk Akademgorodok in the mid-1960s / D. I. Murenko // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta-Istoriya – Tomsk State University Journal of History. – 2021. – № 71. – P. 24–31.

Статьи в прочих научных изданиях:

5. **Муренко Д. И.** Антирелигиозная деятельность комсомола Новосибирской области в 1954–1964 гг. / Д. И. Муренко // Российская молодежь: от комсомола к современным формам политической организации : материалы межрегиональной научно-практической конференции. Новосибирск, 30–31 октября 2018 г. – Новосибирск, 2018. – С. 214–226. – 0,7 а.л.

6. **Муренко Д. И.** «Стиляжничество» как феномен девиантного поведения новосибирской молодежи в 1950–1960 гг. / Д. И. Муренко // Интерэкспо ГЕО-Сибирь. –2019. – Т. 5 : Геопространственные аспекты исторических и социокультурных процессов сборник материалов XV Международного научного конгресса. Новосибирск, 24–26 апреля 2019 г. – С. 77–88. – 0,5 а.л.

7. **Муренко Д. И.** Социально-политический активизм научной и студенческой молодежи новосибирского Академгородка во второй половине 1960-х годов / Д. И. Муренко // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых : сборник материалов всероссийской молодежной научной конференции с международным участием. Новосибирск, 19–21 сентября 2019 г. – Новосибирск, 2019. – С. 126–139. – 0,6 а.л.

8. **Муренко Д. И.** Некоторые аспекты освещения решений XX съезда КПСС и доклада Н. С. Хрущева «О культе личности» среди комсомольского актива Новосибирска / Д. И. Муренко // Историко-архивное наследие Сибири в системе внутрироссийских и международных коммуникаций : материалы Всероссийской научно-практической конференции, приуроченной к 100-летию Сибархива. Новосибирск, 03–04 марта 2020 г. – Новосибирск, 2020. – С. 231–236. – 0,3 а.л.

9. **Муренко Д. И.** Возможности устной истории в изучении становления комсомольской организации Новосибирского Академгородка (1958–1960 годы) [Электронный ресурс] / Д. И. Муренко // Исторический курьер. – 2020. – № 5 (13). – С. 216–227. – URL: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-5-18.pdf> (дата обращения: 30.03.2022). – 1,1 а.л.

10. **Муренко Д. И.** Современные проблемы изучения социального активизма научной молодежи новосибирского Академгородка 1958–1971 гг. в историографическом аспекте / Д. И. Муренко // От Енисейской губернии к Енисейской Сибири: два века, одна история : материалы VIII Сибирского исторического форума. Красноярск, 21–23 сентября 2021 г. – Красноярск, 2021. – С. 222–226. – URL: <https://sibhistory.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2021/12/2021.pdf> (дата обращения: 30.03.2022). – 0,3 а.л.

Научно-популярное издание:

11. Андреенков С. Н. В авангарде молодежи. История Новосибирского комсомола (1918–1991 годы) / С. Н. Андреенков, Ю. С. Аристов, С. Г. Горин, В. А. Ильиных, В. И. Исаев, В. И. Козодой, Я. А. Кузнецова, В. Б. Лапердин, **Д. И. Муренко**, А. Г. Осипов, Р. Е. Романов, А. И. Савин, Д. Г. Симонов, М. В. Шиловский, М. Ю. Шматов. – Новосибирск : Параллель, 2018. – 411 с. – 25,69 / 1,0 а.л.

Подписано в печать 14.11.2022 г. Заказ № 1723
Кол-во стр. 26. Тираж 100 экз.
Бумага офсетная. Формат А5. Печать RISO.
Отпечатано в типографии ООО «Графика М»
634034, г. Томск, ул. Усова, 3.
Тел. 56-56-12